

П. В. Каплин

ПАМФЛЕТ «ПОСЕЩЕНИЕ КАРЛОМ МАРКСОМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

Приводимый ниже памфлет бывшего члена партии эсеров А. Сигова был обнаружен в делах полномочного представительства ОГПУ на Урале Фонда Управления ФСБ по Свердловской области в ГААОСО в отдельном конверте. Он посвящен сложному для России периоду — становлению нового государственного строя после свержения монархии, жуткие признаки которого для автора и его современников вырисовывались все более отчетливо. В нем содержится описание привычного уклада жизни людей, выросших в императорской России, и дается яркая характеристика неприглядного существования при новых «хозяевах» страны. Это не социологические выкладки, основанные на искаженных отчетах, это взгляд обывателя, своеобразная история смены быта.

Судя по описанию окружающей реальности, а также по показаниям эсера А. Сигова, у которого это произведение было изъято во время ареста в 1931 г., памфлет был написан около 1921 г., когда победа большевиков стала уже фактом. Однако для людей, знакомых с учением К. Маркса, наступающие перемены никак с ним не ассоциировались. К таким людям относились и члены партии эсеров. Вероятно, в близкой к ним среде политически активных и образованных людей и был написан этот памфлет, автор которого неизвестен.

Этот документ можно рассматривать как ценный исторический источник, отражающий восприятие современниками тех перемен, которые произошли в России, с позиций обывателя. Примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что это «вещественное доказательство», рассматривавшееся как «клеветнические измышления», сохранилось, а не было уничтожено сотрудниками ОГПУ—НКВД вопреки существовавшей в те годы практики...

При публикации нами были исправлены очевидные опечатки, а знаки препинания расставлены по современным правилам пунктуации. Памфлет не имел названия, условно мы дали ему название «Посещение Карлом Марксом Советской России».

I

В гробу давно уж пребывая,
 Печалей, радостей не зная,
 Карл Маркс икотой содрогнулся,
 На бок другой перевернулся.
 Икнув подряд десяток раз,
 Он приоткрыл усопший глаз,
 И, приподнявши крышку брюхом,
 Прильнул к дыре нетленным духом.
 Черт побери... В чужом краю
 Он слышит проповедь свою...
 И кто б сказал... Она... она –
 Россия – дикая страна
 Программу смелую марксизма
 Проводит в жизнь взамен царизма.
 Увы... закрыты все границы,
 Чрез них летают только птицы...
 Хоть Маркс и умный был старик,
 Но тут невольно встал в тупик.
 Однако вскоре без труда
 Нашел он ловкого жида.
 Известно всем, что для жидов
 Запретных нет нигде ходов.
 Узнавши в Марксе своего,
 в Россию тот повел его.

II

Дабы избежать демонстраций
 И утомительных оваций,
 Карл Маркс решил преобразиться
 И в парикмахерской побриться.
 К тому же он весьма взалкал
 И, увидав вдали вокзал,
 К нему направил быстрый бег.
 Вбегая, крикнул: «Человек!»
 Хотя Маркс с русским языком
 При жизни мало был знаком,
 Но, видимо, в загробном лоне
 Он наострился в лексиконе.
 И уж мечтал, что кельнер живо
 Бокал вальдшлесхенского пива
 Ему с зернистой икрой
 Подаст, с салфеткой под рукой.
 Хоть был и силен аппетит,

Но Маркс внимательно следит:
 В вокзале грязь, пустой буфет
 И кельнеров в помине нет.
 И вот, слегка прищунив глаз,
 Он ищет двери в первый класс.
 С советской властью незнаком
 Был наш политик-эконом.
 Не знал он, что господство масс
 Везде ввело четвертый класс.
 Гармоника, махорка, чад,
 Детишки малые кричат,
 Повсюду груды тел лежат, –
 И вот Карл Маркс к стене прижат...
 Кричат ему: «Эй, ты, буржуй,
 Гляделки ты свои разуй.
 Куда ты лезешь на народ,
 Не видишь что ль, что здесь черед?».
 И [не]кто хватя его за борт...
 Трещит рукав у пиджака...
 И пред собою мужика
 Он зрит с винтовкой за плечом...
 «Помилуйте, я ни при чем...».
 Но с ног сшибающий солдат
 Кричит: «Товарищ, твой мандат!»...
 Тут Маркс, нахмутив темный лоб,
 С любовью вспомнил темный гроб.
 И тут сейчас сообразил,
 Что зря не стоит тратить сил,
 Что тщетны поисков труды,
 Что на вокзале нет еды,
 Что нет ни кельнеров проворных,
 Ни парикмахерских, уборных,
 И чтобы получить билет,
 Стоять тут надо десять лет.
 Чтоб выяснить картину эту,
 Задумал Маркс купить газету, –
 Но у киоска тоже хвост,
 В нем занял он последний пост.
 И вдруг безвкусицей плакат
 Он на стене заметил ряд...
 О сладкий сон о, чудный бред...
 Он видит собственный портрет,
 И надписей обильный дождь:
 «Карл Маркс – труда великий
 вождь».
 О, как приятно старику, –

Бежит слеза по пиджаку.
Забыв вокзал, и вонь, и смрад,
Маститый, как ребенок, рад,
В Москву скорей... Туда, туда –
Здесь лишь преддверие труда...
Конечно, пролетарский храм,
Не на окраине, а там,
Ведь и сторожка звоняра –
Не есть святыня алтаря.
Пусть здесь царит везде хаос,
Мы там предъявим свой запрос...
Здесь неприветливы к гостям...
Газету... Ну ее к чертям...
Пока ее я буду ждать,
На поезд можно опоздать.
Но на платформу как пройти:
Мандат ведь спросат на пути?
В карманах брюк порывшись, он
Нашел документ с похорон.
Привыкнув к жизни нелегальной,
Маркс обошел закон вокзальный,
В дверях представив документ,
Контроль он обманул на нет.
Так наш талантливый старик
России дух вполне постиг:
Дабы в России что начать,
Нужна бумажка и печать...
Итак, кладбищенский прелат
В Россию Марксу дал мандат.

III

Влекомый бабами с мешками,
Солдатами и мужиками,
Каким-то чудом на перрон,
В толпе стеная, вылез он.
Теснили, мяли, в бок толкали,
Пинки давали, били, жали,
И, причиняя массу боли,
Давили старые мозоли.
Когда же подали состав,
Кому-то выбили сустав.
Забыв моральные законы,
Детей толкали под вагоны...
В толпу стреляли комиссары...
Ружейных выстрелов удары,
Треск револьверов, крик и стон...

«И смерть, и ад со всех сторон»...
Уже не помня о портрете,
Маркс очутился вдруг в клозете...
И принял за купе его,
Не понимая ничего...
Одно разбитое сиденье,
Разбиты окна, сняты двери...
Солдаты ломятся как звери...
В бочонке менее сельдей,
Чем тут набилось людей.
Гремит по крыше топот ног
Солдатских кованых сапог...
И матерщину слышит он
Всех наклонений и времен.
Покуда поезд час стоял,
Ученый много воспринял
Слов, лексикону не известных,
И оборотов интересных.
Итак, в «купе» один был стул.
Карл Маркс слегка к нему прильнул.
Вот поезд дрогнул, захрипел,
Сначала двинулся он вспять,
Потом стоял, скрипел опять...
Вот тихо двинулся вперед...
Народ оставшийся орет...
И, презирая смерти страх,
Повис, кто мог, на буферах.
О, как тернист был Маркса путь –
Нельзя присесть, нельзя соснуть,
И нечем голод утолить.
Одно приходится – курить,
Но нет в кармане табаку.
Маркс обратился к мужику;
На свой он бархатный жилет,
Махорки выменял кисет.
Обычай Маркса удивил:
В стране сплошной обмен царил –
В толпе меняли кто что мог
От картуза [и] до сапог.
«Не чувствую своих реформ
В наследьи первобытных форм...»
Но он с обменом примирился
И на мешок муки воззрился...
(Признаться, голодом томимый,
Своей реформой любимой
Пожертвовать готов был он),

И выменял от панталон
Подтяжки на картуз муки,
Которую стал есть с руки.
Пока он голод утолял,
Вдруг поезд среди поля стал,
И десять дюжих молодцов
В вагон полезли с двух концов.
– Знать, заградительный отряд, –
В вагоне тихо говорят.
И вот, средь молчаливой давки,
Мешки пихают все под лавки...
Иной в разбитое окно
Спускает грустно полотно,
Иной, имея жалкий вид,
И сам туда же норовит.
Под юбки бабы что-то прячут,
Старухи над мешками плачут.
И Маркс не знает, как ему
Понять вагона кутерьму.
Меж тем нахально и умело
Солдаты принялись за дело.
И Маркс, увидев пред собой,
Не что иное, как разбой.
Он крикнул в страхе: «Караул».
И уж хотел покинуть стул,
Как жулик властной рукой
Схватил его картуз с мукой.
«Товарищ, отдавай муку», –
Он грубо крикнул старику.
Но в Марксе грустная картина
Рождает чувство гражданина.
Подняв кулак, он подлеца
Бьет по поверхности лица;
Муку рассыпавши, с наскоку
Вторично ударяет сбоку,
И от второго кулака
Летит подлец от старика.
Никак солдат не ожидал,
Чтоб Маркс ему по морде дал:
Привык служить Наркомпрода
К терпению русского народа.
Недолго длилась битва эта
В стенах вагонного клозета –
Карл Маркс был всемидесятью
Подвергнут страшному битью.
Солдаты светочу науки

Ремнем назад скрутили руки
И потащили старика
На полустанок в Учека.
При всем желании – марксистов
Нельзя признать среди чекистов.
Вот председатель Учека –
Вся в перстнях грязная рука,
Ремни повсюду, на бедре
Висит револьвер в кобуре.
И видно, что карманы брюк
Еще вмещают пару штук.
Звезда на шапке, на груди,
Влачится шашка позади.
А над костюмом злая рожа
Напоминает без конца
С большой дороги молодца.
Все старушечьи – в том же духе.
Доставив Маркса в Учеку,
Делить все начали муку.
Поднялся в комнате галдеж:
Удачный, видно, был грабеж.
Но что за странный винегрет –
И здесь Маркс видит свой портрет,
И те же надписи пестрят
В урюмой комнате солдат.
Тут по плевам и папиросам
Маркс подошел к столу с вопросом:
– Скажите, ради Бога, мне –
зачем портрет мой на стене? –
я не учитель грабежа... –
Сказал он, ноздрями дрожа.
– Я Маркс, бессмертный, вечный дух,
Голодных братьев первый друг...
Я тот, кто смело начертил
Трехтомный, длинный «Капитал»,
Кто пролетариев всех стран
Созвал в единый, мощный стан,
Кто революцию провел,
Кто все предвидел, все учел...
И, что ж, за то, что ел муку –
Я попадаю в Учеку...
Тут Маркс, встряхнувши шевелюрой,
На стол оперся всей фигурой
И, созерцая свой портрет,
Чекистов гордо ждал ответ.
(Эффекта пушечной картечи

Он ожидал от этой речи).
И вот ЧК, что всех казнит,
Над Карлом Марксом суд чинит.
— Товарищи, тащите прочь,
Пускай сидит до утра ночь.
Так председатель говорит,
Храня свой прежний зверский вид.
— Снять сапоги, пиджак, рубашку —
И спекулянта в каталажку.
Чего тут думать и гадать —
Буржуй, его сейчас видать,
Видали много мы таких.
У судей совесть коротка,
На то и введена ЧК.
И видит Маркс, что ничего
Из слов не поняли его,
Что бесполезно прав искать,
Где черни правит злая рать.

IV

И вот Москва пред ним предстала,
Что базой большевистской стала.
Повсюду сломаны заборы...
На месте их одни узоры
Полузамерзших нечистот
Развел догадливый народ.
На всем, как на лице старухи,
Печать лишь смерти и разрухи.
Но не везде одни руины —
Есть и отрадные картины,
И творческий, могучий дух
В Совдепах явно не потух...
Тому, кто лучший аргумент,
В России выбран монумент.
И вот, во имя этой моды,
Везде расставлены уроды:
Все жители загробных сфер —
Лассаль, и Маркс, и Робеспьер...
Но, Боже мой, на что похожи
Все эти глиняные рожи...
Не даром прямо им на лица
Весьма охотно гадят птицы...
В былое время конь горячий,
Узрев такой предмет стоячий,
Разбил бы впрах наверняка
Возницу, дрожжи, седека,

И в диком страхе, без всего
Верст сто скакал бы от него.
Доисторической скульптуры
Печать легла не все фигуры.
Но стиль определить не мог,
Как ни хотел, социолог.
«Причем тут боги Ассирии
В коммунистической России?
Вон там — языческий болван...
Вон след Египта, Вавилона», —
Так, идя, размышляет он.
Как вдруг пред ним из камня глыба —
Чудно — не мясо и не рыба...
Не то бульдог, не то корова.
Стоит на площади без крова.
Тут, не теряя время зря,
И нетерпением горя,
Карл Маркс к скульптуре подошел
И надпись жуткую прочел...
О наваждение, о срам:
То не корова, то — он сам.
Тут, не стерпевши, наш старик
Скульптуре плюнул прямо в лик.
Поступок Маркса был нелеп:
Вблизи его стоял Совдеп.
И мимо к входу и от входа
Шло много всякого народа.
Никто не скажет, что прилично
Плевать на статую публично,
Но плюнуть в лик столпу марксизма
В стране счастливой коммунизма,
В стране свободного труда,
Где воцарилось навсегда
Коммунистическое братство —
По меньшей мере святотатство.
Известно всем, что встарь и ныне
Народы чтут свои святыни.
Позволил Маркс, ведь это факт,
Недопустимо дерзкий акт.
И можно было ждать, что тут
Свершится страшный самосуд.
Но из прохожих ничего
Никто не крикнул на него.
Ни в ком не вызвал возмущенья
Его поступок: восхищенья
Следы на лицах он читал;

Пока на глыбу он плевал,
Один прохожий, мимо идя,
И сцену гнусную увидя,
Сказал ему: «Вот это дело,
Всем эта морда надоела».
Другой, рабочий, произнес:
«Я б прежде этого не снес,
Я – пролетарий, не буржуй...
Но, ничего, товарищ, плюй...
Мы все несем тяжелый крест,
И мне понятен твой протест».
Последней бывшая курсистка,
К нему поспешно подбежав,
И руку Марксу крепко сжав,
С дрожавшей в голосе слезой,

Сказала с чувством: «Вы – герой».
И тут же быстро отошла
И в дверь совдепскую вошла.
Подумал Маркс: «Как мало ныне
Народы чтут свои святыни...»
И, совершив еще плевок,
Пошел, грустя, на самотек.

ГААОСО Ф. 1. Управление ФСБ по Свердловской области.
Оп. 2. Д. 17314. Л. 354